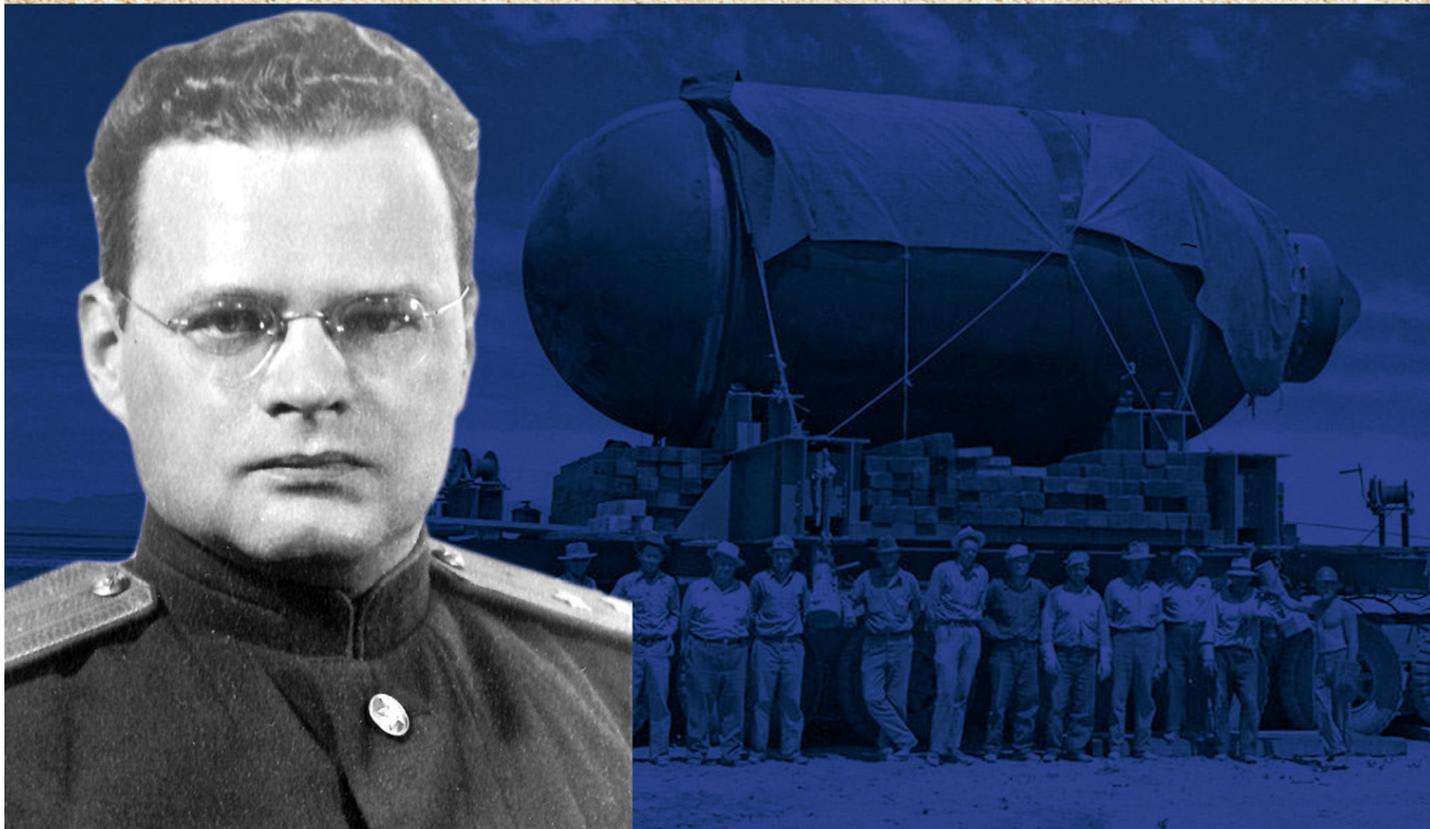

IN1DANONMIEGMZUFA5PTYE7ΠOΔMΓ7ΓPCIF20JMN9Q2VSD1M9
F5789N1DVSD1M02NU<CGESKDPVETCH20>W1EG3F5789HNRSG3F5789

АНАТОЛИЙ МАКСИМОВ

ЛЕОНИД КВАСНИКОВ

РАЗВЕДЧИК ЭПОХИ АТОМА
И КОСМОСА

Мемуары под грифом «секретно»

Анатолий Максимов

**Леонид Квасников. Разведчик
эпохи атома и космоса**

«Алисторус»

2018

УДК 82-84
ББК 82(2Рос=Рус)

Максимов А. Б.

Леонид Квасников. Разведчик эпохи атома и космоса /
А. Б. Максимов — «Алисторус», 2018 — (Мемуары под грифом
«секретно»)

ISBN 978-5-906914-98-9

Новая книга А. Максимова посвящена Герою России, легендарному сотруднику Службы внешней разведки Л.Р. Квасникову, которого называют идеологом и стратегом атомной разведки. С юношеских лет жизненный путь Леонида Романовича был связан с техникой; четверть века он отдал разведке, причем ее чрезвычайно специфическому направлению – научно-техническому. Придя в стены НТР, Квасников начинал руководить коллективом разведчиков в четыре человека в канун войны, десятками – в годы войны, в Центре и за рубежом, и многими десятками в период «холодной войны». Автор не мог (и не смел) умолчать о нем еще и потому, что тот был его наставником в оперативных делах в 60-е годы XX века. Анатолий Максимов – ветеран флота, военной контрразведки, разведки; почетный сотрудник госбезопасности, член Союза писателей России; автор книг «Разведчик атомного века» (о В.Б. Барковском), «Атомная бомба Анатолия Яцкова» и других трудов о спецслужбах.

УДК 82-84
ББК 82(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-906914-98-9

© Максимов А. Б., 2018

© Алисторус, 2018

Содержание

От автора	6
Предисловие	8
Глава 1	13
Детище разведчика-ученого	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Анатолий Максимов

Леонид Квасников. Разведчик

Эпохи атома и космоса

Памяти разведчиков, занятых в создании отечественного ракетно-ядерного щита, посвящается.

От автора

В середине 90-х годов созвездие Героев Отечества пополнилось шестью именами. Это было эхо с тайного фронта Великой Отечественной и со времен холодной войны.

В 1995 и 1996 годах Указом российского президента звания Герой России были удостоены разведчики Леонид Квасников, Владимир Барковский, Александр Феклисов, Анатолий Яцков и спецагенты-интернационалисты Морис и Леонид Коэны.

Жизненный путь легендарной четверки разведчиков – удивителен, а разведывательный – уникален. Они проникли за стену секретности, возведенную американскими спецслужбами вокруг объектов создания атомной бомбы в США. Их подвиг заключается в главном – предотвращение угрозы ядерного нападения на Советскую Россию с целью ликвидации российской государственности, попытки которой Запад не прекращает уже тысячу лет.

В 80-е годы первая книга об «атомных» делах советской госбезопасности в годы войны появилась из-под пера атомного разведчика Александра Феклисова. А вот описание работы его трех коллег – идеологе и стратеге атомной разведки Леониде Квасникове, историографе научно-технической разведки Владимире Барковском и воспитателе молодых разведчиков Анатолии Яцкове в виде отдельных рукописей было начато только в новом столетии.

И когда рукопись об оперативном, общественном и жизненном пути Владимира Барковского увидела свет (2015), автор оказался перед фактом: многие любопытные сведения о Леониде Квасникове, крупнейшем разведчике-ученом, и его коллеге Анатолии Яцкове, разведчике блестящего оперативного опыта, как и о других коллегах научно-технического направления разведки, остались на страницах и в записях архивного материала – «наследии Барковского».

Автор не мог (и не смел) умолчать об этих двух героях еще и потому, что они были его наставниками в оперативных делах в 60-е годы, а в 70-80-х Анатолий Яцков, руководитель факультета НТР, и Владимир Барковский, профессор Института разведки, стали на многие годы коллегами автора по работе в «кузнице кадров».

Почему автор взял на себя столь большую ответственность и столь почетную миссию по подготовке триады рукописей о разведчиках научно-технического направления в работе отечественной госбезопасности? Причем о столь уникальных личностях, с их удивительными судьбами?

Кроме большого желания поработать над их яркими биографиями, появилось еще несколько причин. Одна из них – автор был коллегой Квасникова (он принимал его на работу в НТР в конце 50-х годов), а его непосредственными руководителями на оперативной ниве в штаб-квартире разведки и «кузнице кадров» на многие годы стали Барковский и Яцков (с перерывами в 70-90-х).

О еще одной причине уже упоминалось – «наследие Барковского». Архив стимулировал интерес к этим замечательным личностям, ибо содержал не только открытые публикации, но и пометки на полях, некоторые неизданные страницы и заметки-рассуждения...

И была еще третья, как представляется, далеко не последняя причина: огромное стремление и благодарное желание «поговорить» о замечательных личностях и старших коллегах, сыгравших значительную роль в оперативной судьбе и жизни автора.

Вот так случилось, что появление в поле зрения автора «наследия Барковского» подвигло его к работе над биографиями трех выдающихся личностей гражданского и профессионального накала. Удивительные судьбы и уникальные профессиональные успехи Леонида Романовича Квасникова, Владимира Борисовича Барковского и Анатолия Антоновича Яцкова стремительно увлекли автора на часы и дни, месяцы и даже не на один год...

Автор, опасаясь показаться нескромным, все же хотел бы признаться еще в одной причине безудержной тяги к перу и бумаге, когда речь зашла о судьбах этих блестящих профессионалов с уникальным оперативным опытом. Это могло случиться только тогда, когда автор всей душой проникся благоговением к патриотическому подвигу Леонида Романовича Квасникова и Анатолия Антоновича Яцкова.

Их деяния ради Отечества еще не одно поколение людей будет воспринимать как свет звезды совершенного ими подвига!

Предисловие

Разведчик-провидец

Прошло сто десять лет со дня рождения и близится двадцать пять лет со дня ухода из жизни уникальной личности в делах научно-технической разведки и всей системы госбезопасности – Леонида Романовича Квасникова.

Его жизненный путь с юношеских лет был связан с техникой: железнодорожное профтехучилище, машинист паровоза, студент технического вуза, инженер-рационализатор, аспирант... Это – вехи его первой трети жизни; затем четверть века в разведке, ее чрезвычайно специфическом направлении – научно-техническом.

Придя в стены НТР, Леонид Романович начинал руководить коллективом разведчиков в четыре человека в канун войны, десятками – в годы войны, в Центре и за рубежом, и многими десятками в период «холодной войны».

О Леониде Романовиче говорили и говорят до сих пор, как о талантливом организаторе работы этого многоаспектного направления разведки госбезопасности. В делах разведки ему были по праву присущи такие характерные черты, как «провидец» и «идеолог-стратег». А его «детище» – НТР – расценивается специалистами в нашей стране и за рубежом как самое эффективное в «мировом разведывательном сообществе» в делах проникновения «за стену секретности» Запада.

Наиболее верным в оценке его личности, как разведчика-ученого, справедливо считается следующее: *«Человек с инженерным образованием, глубокими знаниями физики и редчайшей проницательностью».*

Леонид Романович обладал профессиональной **интуицией**, которая помогала ему через **знание** обстановки **предвидеть** ситуацию и **упреждать** ее осложнения конкретными действиями. Так было с «военным атомом», с «идеологической отсталостью в кибернетике», с участием в создании ракетно-ядерного щита и в работе в интересах космических программ...

Духовным настроем Леонида Романовича было глубокое осознание роли личности в жизни с опорой на нравственную позицию – долг перед Отечеством.

Очень важными деловыми и личными качествами обладал Леонид Романович в момент перехода от инженера к аспиранту и затем – к разведчику-ученому: интуицией и отличными аналитическими способностями. Он смог направить их на реализацию собственного принципа – приоритет ученого знания в практической деятельности. И тогда его девизом стало: **целесообразность – это сила, которая превращает возможность в действительность**. Только и всего? Но из этого возведенного в принцип понятия выросла НТР – «дом, который построил Леонид Романович Квасников»! А это – многолетнее встраивание ее масштабной структуры во времена стремительно меняющихся органов госбезопасности: в системе НКГБ-НКВД-МИД и, наконец, в течение «спокойных» пятнадцати лет в составе КГБ, правда, во время «холодной войны» с ее экономическим аспектом.

* * *

Следующие строки – это все о нем, как о Гражданине, Ученом, Офицере и Профессионале, причем в трех ипостасях: в делах разведки в целом, в собственных делах НТР и в ее проявлениях с атомной проблематикой:

◆ «война в условиях мира» и «ей нельзя нанести удар разоружением»; «Союз овладел ключевыми элементами обороны свободного мира»;

◆ «в годы войны с помощью НТР закладывался потенциал наших вооруженных сил», «НТР... в потребностях обеспечения национальной безопасности», «создали такую базу и такую кадровую основу для решения задач удивительного свойства...»;

◆ «...существует возможность создания атомного оружия», «речь шла о прекращении американской монополии на атомную бомбу», «были существенно сокращены сроки изготовления первой атомной бомбы», «если бы мы опоздали..., то испытали бы этот заряд на себе», «без атомной бомбы мы были бы второстепенной державой...»

* * *

Судьба Леонида Романовича, разведчика-ученого, весьма необычна: он получал досрочные воинские звания и дважды – звание «полковник» (в госбезопасности и обычное, войсковое, – после образования КГБ); его дважды награждали орденами в один год; он входил в два списка – и для поощрения, и для перевода на... нары, в зависимости от успеха либо неуспеха в испытании первой отечественной атомной бомбы.

После «успеха» был награжден орденом Ленина в числе пятерых своих коллег по «атомным делам». Всего он имел семь орденов за двадцать пять лет руководства НТР. Однако после незаслуженного и преждевременного, в ущерб делу, увольнения в отставку, коллеги Леонида Романовича «пробивали» ему персональную пенсию.

Его портрет помещен на скромном стенде «НТР и атомная разведка» в кабинете истории внешней разведки в ее штаб-квартире в Ясенево. И там же его имя занесено в книгу «Почетные сотрудники госбезопасности».

На родине героя, в местном краеведческом музее, представлена широкая экспозиция о жизни и разведывательном подвиге легендарного земляка. На школе, где учился будущий Герой России, установлена мемориальная доска: **«Школа носит имя Героя Российской Федерации, легендарного сотрудника Службы внешней разведки Квасникова Леонида Романовича 2.06.1905 – 15.10.1993».**

Леонид Романович почитаем среди своих единомышленников и последователей в Клубе «Титан» Ассоциации ветеранов внешней разведки, этой замечательной общественной организации с ее многосторонней помощью ветеранам в их повседневной жизни. Однако только в 2016 году зашла речь о заслуженном переносе праха Героя России Леонида Романовича Квасникова на Аллею Героев Троекуровского кладбища. А пока урна Героя «ютится» в одной ячейке с урнами двух его родственников...

... Именно о таких личностях говорил Наполеон: *«Гениальные люди – это метеориты, призванные сгорать, чтобы озарить свой век!»*

Леонид Романович не только ярко «осветил» своим участием в делах научно-технической разведки, но и оставил нам, всем людям Советской и нынешней России, безоблачное небо, правда, с ракетно-ядерным прикрытием на многие десятилетия и, дай-то Бог, на столетия...

* * *

Эта рукопись не столько биография Леонида Романовича Квасникова, но и «биография» НТР под его началом и судьбы его ярких единомышленников, с теплотой названных «гвардейцами Квасникова».

Это – и сложные отношения руководства разведки и госбезопасности с правительством и ученым миром в начале «эры атома и кибернетики», в послевоенное время и в «капитализированной» России. И конечно, «моменты истины», когда действия и правота разведки во главе с Леонидом Романовичем в интересах Отечества признавались и оценивались по заслугам.

Леонид Романович Квасников... Яркая личность, яркая жизнь ради Отечества, яркая память в душах его коллег и сограждан о старшем товарище – РАЗВЕДЧИКЕ-УЧЕНОМ!

Тульская Земля богата на значительные для Отечества личности еще со времен Куликовской битвы и становления княжеской Руси, царской, императорской и Советской России.

На Среднерусской возвышенности родилась, возросла и проявила себя плеяда талантливых людей культуры и труда, военачальников... И здесь, вблизи знаменитой «кузницы оборонной мощи Отечества», в самом начале века появился на свет Леонид Квасников.

Жизненный путь Леонида Романовича Квасникова начинался так, что он мог бы стать педагогом, ученым, крупным инженером в промышленности. Но ему суждено было иное – сыграть исключительную роль в истории становления и развития научно-технического направления разведки госбезопасности и ее судьбоносного вклада в оборонную мощь Советского Союза.

Родился Леонид Романович 2 июня 1905 года в семье железнодорожника, которая в то время проживала на небольшой станции Узловая вблизи Тулы. Трудовую деятельность Леонид начал в семнадцать лет рабочим на строительстве моста. После окончания в 1926 году железнодорожного техникума в городе Туле работал помощником машиниста, затем машинистом паровоза. Сам Квасников вспоминал: *«Мне было четыре с половиной года, когда я увидел паровоз – движение вперед... Выбрал механический факультет Московского института химического машиностроения».*

В 1934 году Леонид Романович с отличием окончил институт. Год работал на химическом комбинате города Дзержинска, затем поступил в аспирантуру МИХМа. В 1938 году, будучи аспирантом, принял участие в работе специальной комиссии Наркомата оборонной промышленности по обследованию заводов, выпускающих боеприпасы. Внес предложение по автоматизации нескольких операций при снаряжении артиллерийских снарядов, которое было внедрено в производство. Готовил кандидатскую диссертацию по боеприпасам. Но...

В сентябре 1938 года Квасников был направлен на работу в органы госбезопасности. Свой путь в разведке он начал в должности оперативного уполномоченного отделения научно-технической разведки (НТР). Неоднократно выезжал в командировки в Германию и Польшу для выполнения разведывательных заданий. В период с 1939 по 1942 год работал некоторое время заместителем, а затем – начальником отделения НТР.

С наукой не прерывал и внимательно следил за появлением новых научных достижений. Не прошел мимо открытия в 1939 году цепной реакции деления атомов урана-235, ведущей к созданию атомного взрывчатого вещества и оружия с его использованием. Затем обратил внимание на тот факт, что со страниц американских научных журналов исчезли имена видных ученых, до этого регулярно печатавшие свои статьи по проблеме ядерной физики.

Появились и другиестораживающие моменты. Как вспоминал Леонид Романович об этом времени: *«Меня все время интересует... новое пока направление в области науки...»* Позднее, со слов Квасникова, говорили, что для него *«это было как озарение, подсказанное интуицией...».*

В конце 1940 года Леонид Романович становится инициатором направления в резидентуры в США, Англии и Германии директивы: приступить к получению сведений о возможных работах в этих странах над созданием атомного оружия. Первые результаты подтвердили, что Квасников дал очень точную ориентировку. Уже в сентябре 1941 года в Лондоне Дональд Маклин передал в лондонскую резидентуру доклад «Уранового комитета» в адрес Уинстона Черчилля. В этом документе говорилось о начале работ по созданию в Британии и США атомной бомбы, о ее конструкции и о перенесении в Америку центра тяжести исследований и производства. Поэтому руководство разведки приняло решение о направлении Квасникова в командировку в США. Ему поручили наладить добывание информации об атомном оружии, а

также возглавить резидентуру для всей работы НТР в Нью-Йорке. В январе 1943 года Леонид Романович выехал к новому месту работы.

В Нью-Йорке он занимался организацией получения научной и военно-технической информации. Проявил высокий профессионализм и глубокое понимание проблем, над которыми работали подчиненные ему сотрудники. Принимал непосредственное участие в разведывательной работе. Из резидентуры в Центр поступала в большом объеме секретная документальная информация и образцы техники по авиации, радиолокации, химии, медицине, которые представляли значительный интерес для отечественной промышленности, работавшей для фронта. Работа в научно-техническом направлении разведки госбезопасности прошла «красной нитью» через всю жизнь Леонида Квасникова. Но здесь он был тем, кто зародил атомную разведку и довел ее до триумфа, начав первым охоту за атомными секретами.

Под руководством Квасникова были добыты важнейшие материалы по атомной энергии и ее использованию в военных целях. О предстоящем первом испытании американцами атомной бомбы нью-йоркская резидентура информировала Центр заранее. А когда 16 июня 1945 года над пустыней Нью-Мехико поднялся гриб атомного взрыва, основные данные, касающиеся устройства атомной бомбы и материалов, примененных в ее конструкции, уже находились в распоряжении советских ученых.

После успешного завершения командировки в декабре 1945 года Леонид Романович вернулся в Москву и продолжил работу в центральном аппарате. С 1948 по 1963 год он являлся бессменным начальником отдела разведки – НТР. В этой должности широко проявились его блестящие организаторские способности. Под руководством Леонида Романовича НТР добились серьезных успехов в решении стоящих перед ней задач. При реализации разведывательной информации он поддерживал тесный контакт с нашими видными учеными-атомщиками, в том числе с И.В. Курчатовым, а также с министрами и руководителями промышленных предприятий.

Подбор Леонида Квасникова, как руководителя научно-технической разведки, себя полностью оправдал. Этот разведчик-ученый прекрасно работал и в «поле» за рубежом, и в Центре. С таким человеком, как Курчатов, далеко не каждый разведчик мог бы сотрудничать. В Квасникове увидели именно того человека, который мог общаться с Игорем Васильевичем, фактически, на равных. Регулярно передавая ему разведывательную информацию, он теснее других разведчиков работал с главой советского атомного проекта. И это время, проведенное среди ученых, по его словам, *«было самым счастливым в жизни»*. Как вспоминали близкие Леонида Романовича: *«они были соратниками и друзьями в таком важном деле...»*

В пятьдесят семь лет, еще полный сил, Леонид Романович в 1963 году был отлучен от прямого управления своим «детищем» – НТР. До 1966 года работал старшим консультантом при начальнике ПГУ КГБ по научно-технической разведке. В декабре 1966 года вышел на пенсию.

За достижение высоких разведывательных результатов полковник Квасников был награжден орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Отечественной войны, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями. Ему было присвоено звание «Заслуженный работник НКВД», «Почетный сотрудник госбезопасности» и «Почетный сотрудник Службы внешней разведки России».

Умер Леонид Романович 15 октября 1993 года. Похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище, в колумбарии.

В 1996 году Леонид Романович Квасников был удостоен высшей награды Отечества – «Золотой Звезды» Героя России, посмертно.

«...Обеспечить секретное ознакомление по урану узкого круга лиц из числа видных ученых и специалистов для оценки разведывательной информации и соответствующего ее использования...»

**Леонид Квасников, глава отделения НТР разведки
НКВД, март 1942 год**

Глава 1

Когда отечество в опасности

Итак, нацеливание советской разведки госбезопасности на атомную проблематику произошло в конце 1940 года по инициативе Леонида Квасникова, сотрудника, занятого вопросами науки и техники. От него в промышленно развитые страны Европы и за океаном поступило в резидентуры указание – пока в общем виде.

Инициатива Квасникова проходила в резидентуры среди нескольких заданий «первой важности» – о планах Гитлера, намерениях Черчилля и... информации о новейшей секретной технике. Именно в это время была получены документальные сведения, которые в лондонской резидентуре расценили, причем без сомнения, как то, что *«Британия твердо стоит на пути к атомной бомбе...»*.

Детище разведчика-ученого

Информация пришла в руки Леонида Квасникова фактически одновременно от двух источников (оба из «Кембриджской пятерки») в МИДе и от сотрудника в Комитете, связанного с военной проблематикой. Об этом серьезном событии в работе лондонских разведчиков вспоминал историограф НТР Владимир Барковский: *«...с английской стороны нам помогал, сам того не подозревая, лорд Хенки, сотрудник правительственного комитета по использованию науки в военных целях...»*

Разведчик Барковский отмечал, что даже без специальной подготовки в области ядерной физики можно было понять, что информация заслуживает самого пристального внимания по двум причинам – речь шла об оружии и, к тому же, о новом оружии: *«...это был доклад... о возможности создания атомной бомбы... На самом деле уже тот факт, что документы получены из аппарата лорда Хенки, говорил об их подлинности и важности. Возможность ловушки здесь была исключена...»*

В основе такой уверенности лежало кредо советской разведки (да и серьезных разведок мира!) в отношении добываемой информации: она должна быть документальной по форме, достоверной по содержанию и секретной по значимости.

Все это относилось к полученной из Комитета информации, оказавшейся в руках агента «Пятерки» Джона Кернкросса, помощника лорда. А информация говорила, что научной работой британских физиков в области атомной энергии руководила специальная группа ученых во главе с авторитетным физиком Джорджем Томсоном.

Два доказательства в пользу серьезности проблемы – «комитет лорда» и «известный физик» – исключали даже намек на случайность в выходе на подобную (и тревожную) информацию. Случайность? Ни в коей мере! Без сомнения, нашей научно-технической разведке начала сороковых годов с ее штатом в четыре человека повезло с проницательностью Леонида Квасникова. А ему, пытливому разведчику-ученому, вероятно, было известно изречение грека Цицерона: *«Если человек думает, что в историческом движении общества имеют место случайности, то он полный идиот».*

И много позднее не раз отмечалась роль Леонида Квасникова, специалиста в масштабных делах НТР, как обладающего способностью выстраивать принцип – приоритет ученого знания в практической деятельности. Будь то авиация или ракетная техника, радиоэлектроника или атом, или другие проблемы науки и техники в оборонных интересах Страны Советов.

* * *

Естественно, возникает вопрос о появлении «ядерной физики» в разведке: *«что же касается внешней разведки, то здесь был только один человек, хорошо разбирающийся в этом вопросе, Леонид Романович Квасников, выпускник Московского химического института (почему-то в те годы проблему ядерной физики наиболее полно преподавали в химических институтах)».* И потому не случайно одна из характеристик личности Леонида Квасникова в вопросе по «теме» заключается в том, что «это был сама проницательность».

Слово об идеологе НТР. В это зарождающиеся подразделение разведки (тогда оно называлось «техническое») активно в предвоенные годы вошел Леонид Романович. И именно они – их было четверо – начали формировать «атомное направление». Однако термин «атомное оружие» появился позднее, а в то время речь шла о новых видах сверхмощных взрывчатых веществах.

Это был настоящий подвиг: Леонид Романович смог предвидеть начало работ за рубежом над созданием атомного взрывчатого вещества необыкновенной мощности и инициировал работы над этой проблемой в нашей стране (**первое предвидение!**). Прагматично размышляя, он упредил сбор комплексной информации об авиаракетной технике (**второе предвидение!**). Судьбоносно для оборонной и хозяйственной области упредил отсталость в нашей науке в области кибернетики (**третье предвидение!**). Им начата мощная «кампания» по компьютеризации НТР и затем всех аспектов разведки госбезопасности (**четвертое предвидение!**).

Только три инициативы-предвидения уже обессмертили бы Леонида Романовича... Но в памяти разведчиков, ученых и специалистов различных областей науки и техники разведчик-ученый остается идеологом, стратегом НТР и бессменным ее руководителем долгие и чрезвычайно плодотворные двадцать пять лет. После вынужденной отставки Леонида Квасникова его дело продолжил Владимир Барковский и когорта «гвардейцев Квасникова».

Имея прямой контакт с учеными-физиками, создающими атомную бомбу, Леонид Квасников снискал их глубокое уважение – они «отдавали должное его интуиции». И он, талантливый руководитель, зачислил в свои ряды Барковского еще тогда, когда тот под фашистскими бомбами и ракетами работал в лондонской резидентуре и был известен как разведчик-инженер и руководитель обширной сети ученых и специалистов, работающих «над проблемой атома» с его возможностью распада в форме взрыва колоссальной силы.

Леониду Квасникову были известны работы советских ученых-ядерщиков Харитона, Зельдовича, Флерова и Петржака о возможности цепной реакции, а также датчанина Нильса Бора, Джона Уиллера (США) и Отто Фриша (Британия). От его внимания не ускользнул тот факт, что в западных научных журналах стали исчезать все публикации по ядерной физике. Причем в тот момент, когда в этой области были сделаны интереснейшие и многообещающие открытия.

Справка. В конце 1938 года ученые теоретически рассчитали, что процесс распада урана может протекать в форме взрыва колоссальной силы. После начала Второй мировой войны по инициативе венгерского ученого Лео Силарда, переселившегося в Америку в годы фашизма, Альберт Эйнштейн написал письмо на имя президента Рузвельта. В нем он указал на возможность появления бомб нового типа и высказывал опасение, что фашистская Германия может первой создать такую бомбу.

Рузвельт понял суть опасности и учредил консультативный комитет по урану с целью наблюдения за исследованиями и ввел строгую цензуру на публикацию по атомной проблематике – из научной прессе Запада наступило полное молчание.

Идея возможности создания ядерного оружия родилась приблизительно одновременно в США, Англии, Германии и СССР. Но у ученых этих стран были неравные стартовые позиции. В США к началу войны с Германией было сформировано государственное управление, которое занималось организацией работ по созданию бомбы. В Англии образовался Урановый комитет, который занимался тем же, а в СССР такого государственного центра не было.

Первым забил тревогу президент АН СССР академик Владимир Вернадский. Он написал письмо в президиум АН и зампредсовета народных комиссаров Булганину. Зампред на письмо не ответил, а президиум ограничился созданием Урановой комиссии (комиссия прекратила свое существование после начала Великой Отечественной войны в связи с трагическими событиями первого периода противостояния германскому вторжению и переводом всех работ АН по 200 военно-прикладным тематикам).

Историческая справка. Академик Владимир Иванович Вернадский, естествоиспытатель, философ, историк науки, социолог и многолетний президент АН СССР, был одним из крупнейших ученых-провидцев русской и советской науки. И в своем «сигнале» в адрес советского правительства о вероятности и возможности появления в мире взрывчатого вещества особой мощности он опирался на свое предвидение, высказанное им еще в... 1887 году.

Ученому было 24 года, когда его посетила гениальная догадка о принципиальной возможности существования в природе сил, которые многократно превышают по своей мощности все известные до сих пор человечеству. В своих предположениях русский ученый был весьма конкретен. Вернадский писал, что эти тающиеся в природе силы необходимо, во-первых, «открыть», практически «извлечь» из природы, и, во-вторых, силы эти способны не только «удесятерить» мощь человека, расширить «возможности новых приложений», но и реально выступить перед людьми в «отталкивающем, пугающем облики» – как силы страшные.

Владимир Вернадский был человеком своего времени – вторая половина XIX и первая половина XX века (1863–1945). И был он ученым «Ответственно Впередсмотрящим».

На факт исчезновения публикаций по атомной проблеме обратил внимание Леонид Квасников, инженер-химик по образованию и по долгу службы следивший за всеми научными публикациями в иностранной прессе (об этом «исчезновении» из Нью-Йорка сообщил также резидент разведки Гайк Овакимян). И осенью 1940 года по инициативе Квасникова в резидентуры в США, Англии, Франции, Германии и Австрии была направлена директива: выявлять центры поиска способов применения атомной энергии для военных целей.

Квасников знал положение дел в Союзе и, получив сведения из Штатов о том, что «... по сообщению агента Бира, ядерные исследования в США проводятся с некоторого времени секретно: ученые опасаются, что их публикации могут помочь немцам создать свою атомную бомбу...», еще более уверовал в факт начала реальных работ над атомным оружием в Германии и в подготовку таких работ в Англии и США.

Так случилось, что ознакомление с шифровками помогло Квасникову предусмотреть и начало работы разведки «по теме», ибо *«умолчание о каком-то секрете – лучшее доказательство его существования. Теперь главное – не затерять атомный след. А еще уговорить начальника разведки Фитина не докладывать пока об этом наркомму Берии»*. Квасников опасался, что Берия может не поверить и обвинит разведчиков... в дезинформации. А пока в резидентуры ушло его новое указание: продолжить собирать сведения по атомной проблематике – где ведутся работы, уровень их успеха, научные силы...

Прозорливость разведчика-ученого? Несомненно. Однако здесь сказалось следование триаде факторов наступательной позиции в деяниях советской разведки и ее особого значения для обороны страны направления – НТР, а именно: **знать, предвидеть, упреждать**. С момента прихода в разведку Леонид Квасников овладел этой триадой блестяще – тому свидетельством вся его жизнь в госбезопасности.

У резидентуры в Лондоне на связи были члены знаменитой «Кембриджской пятерки». Естественно, им было поставлено задание добывать нужную «урановую информацию». И в сентябре 1941 года резидентура уже переслала сотни страниц документа Уранового комитета, в котором содержался категорический вывод: атомную бомбу можно сделать.

Так нашей НТР удалось получить не только ценные сведения – схему бомбы, принцип ее действия и описание способа выделения урана-235 из руды, но были также перечислены исследовательские и промышленные центры Британии, где велись работы по созданию бомбы. Последние – это объекты разведывательного интереса. Информация ушла в Москву, и в после-

дующем на десятилетия вперед «все, что вокруг атомной бомбы и ядерного оружия» оказывалось на столе Леонида Квасникова и далее в руках ученых и специалистов.

Справка. На примере с «атомной проблематикой» можно проследить работу НТР советской госбезопасности над широким кругом заданий военно-прикладного значения во время войны и после нее. Можно говорить о «краеугольных камнях» эффективности разведработы, ибо именно в повседневную практическую деятельность идеолог НТР внедрил наступательный характер развед-мастерства – знать, предвидеть, упреждать (*во-первых*). Причем в основу реализации этого принципа в «делах НТР» был заложен его творческий подход в выборе «целесообразности, как силы, которая превращает возможность в действительность» (Аристотель).

Естественно, опорой в решении конкретных задач НТР стал «инструментарий» разведмастерства – разведчики, агенты, операции (*во-вторых*). А сведения о занятости атомной проблемой конкретных НИИ и предприятий Британии способствовали решению вопросов проникновения в интересующие центры сосредоточения нужной информации, в частности, «в третьих» по отношению к Англии и США странах (*в-третьих*).

Опора на указанную триаду – наступательность, «инструментарий», территории – в последующей разведработе НТР была с эффективностью применена Леонидом Квасниковым по таким оборонным операциям: «Воздух» (авиация и ракетостроение), «Радуга» (радиолокационная техника и электроника), «Зелье» (взрывчатые вещества), «Парфюмерия» (ХБО). Такая ситуация сложилась в годы войны и после нее, что именно специфика проведения операции «Энормоз» (атомная бомба) стала своеобразным «локомотивом» всей эффективности НТР и отечественной науки и техники (в среде ученых считалось, что «без атомной бомбы мы были бы второстепенной державой!»).

Вот какого тревожного и упреждающего содержания документ получил Леонид Квасников в штаб-квартире НТР в Москве от лондонского резидента Анатолия Горского (04.10.1941):

«...Сообщаю очень кратко содержание представления 24 сентября 1941 года военному кабинету особо секретного доклада правительственного комитета по разработке способа использования атомного урана для изготовления взрывчатых веществ.

...Даже с учетом веса баллистического механизма урановой бомбы практическая сила ее взрыва будет превышать в 1000 раз силу взрыва обычной бомбы того же веса.

...Следует отметить, что урановая бомба будет иметь двойное действие. Кроме разрушительной взрывной волны огромной силы, образуется наподобие газового облака огромное пространство, насыщенное радиоактивными частицами. Все живое, что попало в сферу действия этих частиц, хотя бы на несколько минут, неизбежно погибнет...»

* * *

В течение последующих военных и послевоенных лет (до января 1943 и после декабря 1945 годов) Леонид Квасников руководил из центра работой нескольких источников ценнейшей «атомной информации» – физиков-атомщиков с позиции лондонской резидентуры. А осуществлял эту работу всю войну его единомышленник, будущий заместитель по линии НТР и продолжатель «дела Квасникова» Владимир Борисович Барковский.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.